

Личностные особенности людей средней зрелости, сообщивших о переживании оскорбления

Бузина Александра Александровна

соискатель, Институт психологии Российской академии наук.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-8114-1443. E-mail: super-alex@mail.ru

Аннотация. Ситуация оскорбления, представляющая собой вид эмоционального насилия, относится к числу стрессоров высокой интенсивности. Несмотря на широкую распространенность оскорбления, изучение его психологических последствий осложняется их латентным характером: подобное воздействие не оставляет у жертвы видимого вреда. Данная статья призвана расширить представление о психологических последствиях оскорбления, в частности, о личностных особенностях людей средней зрелости, сообщивших о переживании оскорбления.

В исследовании приняли участие 120 человек (85 женщин и 35 мужчин; средний возраст – 46 лет). Проверилось предположение о том, что переживание оскорбления находит отражение в таких личностных особенностях людей средней зрелости, как тип ролевой виктимности, стиль совладающего поведения, составляющие антиципационной состоятельности и структура эго-идентичности. Выявлено, что переживание оскорбления связано с установкой на виктимность в виде принятия личностью социальной роли жертвы. Определено, что переживающим оскорбление свойственно обращение к эмоционально-ориентированному стилю совладания. Наблюдается антиципационная несостоятельность по личностно-ситуативному, временному и общему показателям. Установлена связь проблемно-ориентированного копинга со всеми составляющими антиципационной состоятельности. Обнаружено, что ситуация оскорбления меняет представление человека о самом себе: интенсивные переживания связаны с выраженностью диффузной (размытой) эго-идентичности по общему показателю, а также таким параметрам, как ответственность за выбор, самодостаточность и принятие настоящего. Исследование позволило подтвердить гипотезу и выделить особенности ролевой виктимности, совладающего поведения, антиципационной состоятельности и структуры эго-идентичности людей средней зрелости, сообщивших о переживании оскорбления. Определено, что оскорбление негативно воздействует на личность человека и его представление о самом себе, искажает восприятие настоящего и адекватное видение будущего.

Ключевые слова: оскорбление, эмоциональное насилие, средняя зрелость, ролевая виктимность, совладающее поведение, антиципационная состоятельность, эго-идентичность.

Введение. Нарушение структуры Самости, когнитивной картины мира, неврологических механизмов – таковы последствия воздействия разного рода стрессоров. Речь идет об экстремальных кризисных ситуациях, которые радикальным образом нарушают чувство безопасности человека [10]. Как показывают исследования, наибольший травматический эффект на психику оказывают стрессоры, связанные с действиями других людей, особенно близких. К числу данных стрессоров можно отнести оскорбление, которое угрожает целостности личности [9].

С подобным целенаправленным негативным воздействием на протяжении жизни в той или иной степени сталкивается большинство людей. Оскорбление может проявляться в различных сферах, в частности, в семейных (детско-родительских, партнерских) или профессиональных отношениях. При этом психологические последствия оскорбления, особенно в период средней зрелости, в научной литературе изучены недостаточно. Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел.

Оскорбление может сопровождать физическое насилие или предшествовать ему. Данное негативное воздействие выражается в вербальной форме или в действиях (в жестах и позах; в сочетании с физическим воздействием, например, в плевках и пощечинах). Отмечая связь с физическим причинением вреда, исследователи рассматривают оскорбление как вид эмоционального (психологического) насилия [7]. Оскорбление не всегда осязаемо, однако его последствия сравнимы с эффектами от физического насилия, а иногда и превосходят их [21].

Особенностью данного негативного воздействия является его латентный характер: оскорбление не создает непосредственной угрозы жизни, но воздействует на психологиче-

ское благополучие личности, ее эмоциональную стабильность и устойчивость представлений о себе. Кроме того, оскорбление приводит к выраженному посттравматическому стрессу (ПТС) на разных этапах жизни человека [13]. Жертва эмоционального насилия может испытывать ощущения неуверенности и никчемности, ненавидеть себя. Эти последствия называют «невидимыми ранами», поскольку боль, которую испытывают жертвы, подчас не проявляется внешне [27]. Такая боль чревата страданиями более длительными, чем те, которые вызывают физические раны [26].

Эмоциональное насилие, в том числе оскорбление, может превратиться в длительный процесс, в ходе которого один человек систематически ослабляет и по сути уничтожает личность другого. Оскорбления, носящие длительный характер, особенно опасны: они вызывают потерю чувства собственного достоинства, социальную изоляцию, разрушение Эго-идентичности [13]. Эффект от эмоционального насилия может быть таким же длительным, разрушительным и комплексным. Исследователи, изучавшие состояние жертв подобного воздействия на протяжении долгого времени, выявили, что те сталкиваются с серьезными психологическими проблемами на протяжении всей дальнейшей жизни. Среди таких проблем можно выделить низкую самооценку, склонность к развитию депрессии и тревожных расстройств, замкнутость, риск вновь оказаться в подобной ситуации в качестве жертвы или агрессора [17].

Эмоциональное насилие, в том числе оскорбление, накладывает отпечаток на личность человека. Прежде всего, развивается виктимность – склонность стать жертвой негативного воздействия в будущем. Боязнь снова столкнуться с ситуацией оскорбления превращает человека в изгоя. Он принимает на себя социальную роль жертвы, которая характеризуется замкнутостью, обидчивостью, беспомощностью, склонностью к обвинению себя и других, представлением об окружающем мире как о враждебном, а о себе самом – как о неудачнике [6]. Виктимность сопровождается снижением самооценки, чувствами вины и жалости к самому себе, внешним локусом контроля. При этом негативные оценки окружающих только усугубляют ощущение собственной никчемности [15].

Другой характерной чертой людей, столкнувшихся с негативным эмоциональным воздействием, является обращение к эмоционально-ориентированному стилю совладания [1; 16]. В отличие от проблемно-ориентированного копинга, направленного на поиск разрешения возникшей ситуации, эмоционально-ориентированный копинг связан с регулированием эмоций, изменением отношения к случившемуся. Такой стиль совладания характеризует погружение в собственные переживания, самообвинение, вовлечение в переживание других [3].

Эмоционально-ориентированная стратегия совладания менее эффективна по сравнению с проблемно-ориентированным копингом, поскольку расходует энергию, не оставляя жертве сил на преодоление негативного воздействия. Человек лишь уменьшает интенсивность стресса, не меняя условий фактической ситуации [29]. Мысли и действия, направленные на снижение физического или психологического воздействия стресса, приносят лишь сиюминутное облегчение [19].

В связи с определенным стилем совладания следует рассматривать антиципационную состоятельность (прогностическую компетентность). Есть основания считать эти конструкты компонентами единой системы стабилизации личности. Интенсивное эмоциональное реагирование на психотравмирующую ситуацию может объясняться тем, что человек не был к ней подготовлен. И, напротив, опыт позволяет осуществлять вероятностное прогнозирование и подготовку к ситуации [4].

Антиципация представляет собой способность действовать и принимать решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении будущих событий. Данный психологический феномен обладает универсальным значением для всех сторон жизни человека и отражает активное овладение перспективой будущего [2]. Тот факт, что пережившие эмоциональное насилие склонны вновь попадать в похожие ситуации в качестве жертвы или агрессора [17], говорит не только о развитии виктимности или работе механизма идентификации с агрессором, но и о низком уровне способности прогнозировать ситуацию.

Ситуация оскорбления, чреватая интенсивными переживаниями, способна вызвать психологическую травму. Подобные события могут изменить жизненную перспективу личности в негативном отношении. В таких случаях человек утрачивает смысл жизни, перестает выработать планы, рассматривает будущее в негативном свете. Эти последствия определяются как тяжестью травмирующей ситуации, так и наличием у человека психологических ресурсов совладания [5].

Бесспорно, психотравмирующие ситуации сказываются на особенностях Я-концепции. При переживании оскорбления под удар попадает чувство собственного достоинства человека, его самооценка [23]. В этой связи стоит указать на изменения эго-идентичности, сопровождающие воздействие стрессоров. Так, продолжительные, повторяющиеся события, к которым можно отнести и эмоциональное насилие, сопровождаются диффузией (размытостью) эго-идентичности [12].

Таким образом, исследования последствий эмоционального насилия позволяют сделать вывод о том, что данный стрессор негативно воздействует на человека на протяжении всей жизни. Особым травмирующим эффектом обладает эмоциональное насилие в детстве, которое интенсивно воздействует на психологическое состояние человека, в том числе уже во взрослом возрасте, приводя к развитию ПТС [28] и виктимности [14; 22; 30]. Исследователи считают эмоциональное насилие основой всех форм жесткого обращения с детьми [20].

Особенностью переживания эмоционального насилия во взрослом возрасте является воздействие опыта прошлой травматизации. Для пожилых людей негативное воздействие приводит не только к социальной изоляции, ощущению бесполезности и утрате надежды на будущее, но и к значительному ухудшению физического состояния [24]. В среднем возрасте, в период наибольшей активности человека, эмоциональное насилие проявляется в партнерских, супружеских, семейных, профессиональных отношениях [18; 25]. Воздействие оскорбления находит отражение в личностных особенностях людей среднего возраста.

Целью настоящего исследования является выявление личностных особенностей людей средней взрослости, сообщивших о переживании оскорбления.

Гипотеза исследования: переживание оскорбления находит свое отражение в таких личностных особенностях людей средней взрослости, как тип ролевой виктимности, стиль совладающего поведения, составляющие антиципационной состоятельности и структура эго-идентичности.

Участники и методы исследования. Участниками исследования стали 120 человек (средний возраст – $46 \pm 6,9$ лет): 85 женщин и 35 мужчин. Опрос проводился индивидуально и анонимно путем предъявления следующих методик:

1. Опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire – LEQ), разработанный Дж. Норбеком (J. S. Norbeck), И. Сарасоном (I. G. Sarason), Дж. Джонсоном (J. H. Johnson), Дж. Сигель (J. M. Siegel) и адаптированный на русский язык Н. В. Тарабриной [11].

Опросник содержит 36 описаний тяжелых стрессовых ситуаций, распределенных по 4 разделам: криминальные события, природные катастрофы и общие травмы, другие события (в том числе оскорбление), ситуации физического и сексуального насилия. Опросник дополняют два пункта (37 и 38), которые позволяют сообщить о не охваченных предыдущими пунктами методики экстраординарной стрессовой ситуации и других стрессовых ситуациях соответственно.

Респонденту предлагается отметить происшедшее в его жизни событие и по пятибалльной шкале оценить степень влияния этого события на его жизнь за последний год. По итогам опроса определяется индекс травматичности – если этот показатель выше 3 баллов, можно говорить о наличии признаков ПТС.

2. Опросник «Тип ролевой виктимности», разработанный М. А. Одинцовой и Н. П. Радчиковой [6]. Участникам исследования предлагается ответить на 32 вопроса, описав себя и свое поведение с использованием четырехбалльной шкалы.

Методика определяет общий уровень и особенности ролевой виктимности – предрасположенности индивида в силу неблагоприятных объективных и специфических субъективных факторов продуцировать тот или иной тип поведения жертвы, выражающийся в позиции либо статусе жертвы, а также в их динамическом воплощении: социальной или игровой роли жертвы.

Игровая роль жертвы имеет в основе скрытую мотивацию и обладает пластичностью, которая способствует успешной адаптации. Игровая роль характеризуется демонстративностью и манипулятивностью. Социальная роль жертвы предполагает любой тип аутсайдерства и отсутствие манипулятивного компонента.

3. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) (Coping Inventory for Stressful Situations – CISS), разработанная Н. С. Эндлером (N. S. Endler) и Дж. Д. А. Паркером (J. D. A. Parker) и адаптированная Т. Л. Крюковой [1]. В опроснике приведены 48 возможных реакций человека на различные трудные, огорчающие или стрессовые ситуации. Участникам

исследования предлагается по пятибалльной шкале определить, в какой степени относится к их поведению та или иная реакция.

Три шкалы методики отражают степень выраженности одного из стилей совладающего поведения – проблемно-ориентированного копинга (ПОК), эмоционально-ориентированного копинга (ЭОК) и копинга, ориентированного на избегание (КОИ) (последняя шкала включает в себя две субшкалы – социального отвлечения (СО) и отвлечения (О)).

4. Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности), разработанный В. Д. Менделевичем. Участникам исследования с помощью пятибалльной шкалы предлагается оценить степень своего согласия с каждым из 81 утверждения. Тест позволяет оценить выраженность составляющих прогностической компетентности – личностно-ситуативной, временной (хроноритмологической), пространственной (моторной ловкости). Также определяется общая антиципационная состоятельность [4].

5. Методика диагностики структуры и статусов эго-идентичности (СЭИ-тест), разработанная Е. Л. Солдатовой. Эго-идентичность представляет собой процесс рефлексии личностью изменений, происходящих с ней в результате преобразований социальных отношений в кризисе. Эго-идентичность формируется на протяжении всего периода взрослости и актуализируется в нормативных кризисах развития.

Каждая фаза нормативного кризиса характеризуется определенным статусом эго-идентичности: в дебюте кризиса – предрешенной (заданной новой социальной ситуацией, внешними образцами и идеальной формой), в апогее кризиса – диффузной (размытой), в завершении кризиса – автономной (достигнутой) эго-идентичностью. Стабильным периодам развития свойственен мораторий в поиске эго-идентичности [8].

СЭИ-тест состоит из 50 пунктов, в каждом из которых участнику исследования предлагается выбрать одно из трех высказываний, наиболее точно соответствующих его представлению о себе в последнее время. Данные высказывания относятся к одному из показателей статуса эго-идентичности: автономному, диффузному или предрешенному.

При подсчете результатов баллы распределяются по каждому показателю статуса эго-идентичности семи шкал: «Ответственность за выбор» или «Творческая сила развития», «Самодостаточность» или «Сила эго», «Осознанность жизненного пути», «Эмоциональная зрелость», «Принятие настоящего», «Осознанность собственных ценностей», «Соответствие себе».

Статистическая обработка полученных данных велась с использованием пакетов Excel и Statistica 10.

Процедура исследования. В ходе работы были сформированы две группы участников исследования в зависимости от наличия или отсутствия у них опыта переживания оскорбления. Критерием выделения групп служило заполнение пункта 26 опросника LEQ, посвященного данному травматическому событию. Первую группу составили 74 респондента, сообщившие о переживании оскорбления, вторую группу – 46 респондентов, не отметившие этот пункт.

Исходя из цели исследования, далее работа велась только с первой группой участников исследования. Данная группа была разделена на три подгруппы в зависимости от интенсивности показателя ПТС. Критерием выделения подгрупп стала величина индекса травматичности по опроснику LEQ; использовался расчет нижнего и верхнего квартилей.

В результате были выделены три подгруппы: «Низкий ПТС» (18 человек), «Средний ПТС» (33 человека) и «Высокий ПТС» (23 человека). Подгруппы получили следующие индексы: «Низкий ПТС» – 1, «Средний ПТС» – 2, «Высокий ПТС» – 3.

Результаты исследования и их обсуждение. Для оценки выраженности показателей ролевой виктимности было проведено сравнение показателей подгрупп по методике «Ролевая виктимность» с использованием непараметрического критерия Краскела – Уоллиса (H).

При сравнении показателей выраженности игровой роли жертвы статистически значимые различия выявлены не были. Получены различия показателей выраженности социальной роли жертвы ($H=15,276$; $p=0,0005$) и общего уровня ролевой виктимности ($H=11,583$; $p=0,003$).

Затем было проведено попарное сравнение соответствующих показателей с использованием непараметрического критерия Манна – Уитни (U). Результаты сравнения подгрупп приведены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты сравнения показателей по методике «Ролевая виктимность»

Параметр сравнения	«Низкий ПТС» и «Средний ПТС»		«Средний ПТС» и «Высокий ПТС»		«Низкий ПТС» и «Высокий ПТС»	
Социальная роль жертвы	U=189,0; p=0,033		U=224,0; p=0,009		U=72,0; p=0,0003	
	Me ₁ =15,50 SD ₁ =5,792	Me ₂ =19,0 SD ₂ =4,599	Me ₂ =19,0 SD ₂ =4,599	Me ₃ =21,0 SD ₃ =6,044	Me ₁ =15,50 SD ₁ =5,792	Me ₃ =21,0 SD ₃ =6,044
Общий уровень ролевой виктимности	различия не выявлены		U=185,0; p=0,001		U=111,0; p=0,011	
			Me ₂ =35,0 SD ₂ =6,461	Me ₃ =43,0 SD ₃ =8,495	Me ₁ =34,50 SD ₁ =9,839	Me ₃ =43,0 SD ₃ =8,495

Таким образом, интенсивное переживание оскорбления сопровождается установкой на виктимность в виде принятия человеком социальной роли жертвы. Общий уровень ролевой виктимности выше у лиц, тяжелее переживающих оскорбление.

В ходе опроса участники исследования, столкнувшиеся с оскорблением, сообщали о снижении самооценки, чувствах бессилия и аутсайдерства, что свойственно социальной роли жертвы. Невольная демонстрация слабости и уязвимости обычно провоцирует новые нападки со стороны окружающих, заставляя человека постепенно утверждаться в роли жертвы. В самом деле, некоторые респонденты сталкивались с ситуацией оскорбления неоднократно (в частности, в детстве, во время обучения в школе, и в среднем возрасте, на рабочем месте). Регулярные оскорбления создавали своего рода замкнутый круг: человек переживал унижение и, не находя в себе сил противостоять оскорблению, снова становился жертвой подобного обращения. Негативное воздействие сказывалось на межличностном общении: переживавший оскорбление становился изгоем.

Ощущение бессилия, пронизывающее всю жизнь жертвы, сказывается на выборе механизмов копинга. Для определения выраженности того или иного стиля совладания было проведено сравнение показателей подгрупп «Низкий ПТС», «Средний ПТС» и «Высокий ПТС» по методике КПСС (использовался критерий Краскела – Уоллиса).

По параметрам проблемно-ориентированного копинга (ПОК) и копинга, ориентированного на избегание (КОИ), статистически значимых различий получено не было. Показатели подгрупп различаются по параметру эмоционально-ориентированного копинга: N=11,912; p=0,002.

Для оценки выраженности эмоционально-ориентированного стиля совладания (ЭОК) при переживании оскорбления было проведено попарное сравнение показателей подгрупп с использованием критерия Манна – Уитни. Результаты сравнения подгрупп представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты сравнения показателей по шкале ЭОК методики КПСС

«Низкий ПТС» и «Средний ПТС»	«Средний ПТС» и «Высокий ПТС»		«Низкий ПТС» и «Высокий ПТС»	
Различия не выявлены	U=254,0; p=0,037		U=74,0; p=0,0005	
-	Me ₂ =51,0 SD ₂ =4,656	Me ₃ =53,0 SD ₃ =4,131	Me ₁ =48,0 SD ₁ =4,032	Me ₃ =53,0 SD ₃ =4,131

Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что переживание оскорбления в период средней взрослости сопряжено с эмоционально-ориентированным стилем совладания.

Участники исследования отмечали, что переживание оскорбления сопровождается у них открытым, зачастую весьма интенсивным выражением эмоций – грусти, отчаяния, безысходности, гнева. Не находя в себе сил противостоять обидчику либо решить возникшую ситуацию каким-либо иным образом, люди давали выход негативным эмоциям, что выражалось в плаче, выплеске агрессии, жалобах.

Наряду с копингом средством адаптации к стрессовой ситуации выступает антиципационная состоятельность. Показатели данного параметра первой группы участников исследования были определены с использованием опросника «Тест антиципационной состоятельности». В таблице 3 эти показатели приведены в сравнении с величинами границы нормы, определенными для различных составляющих антиципационной состоятельности (АС).

Таблица 3

Показатели методики «Тест антиципационной состоятельности»

Параметр по тесту	Границы нормы (в баллах)	Показатели группы респондентов, сообщивших о переживании оскорбления (в баллах)
Общая АС	241	215
Личностно-ситуативная АС	166	115
Пространственная АС	52	63
Временная АС	42	41

Таким образом, при переживании оскорбления наблюдается антиципационная несостоятельность по личностно-ситуативному, временному и общему показателям. Но если величина временного показателя практически не выходит из границы нормы, показатели личностно-ситуативной составляющей обращают на себя пристальное внимание.

Личностно-ситуативная составляющая отражает коммуникативный уровень антиципации, то есть способность прогнозировать жизненные события и ситуации. Переживание оскорбления, особенно хроническое, приводит к искажению адекватного представления не только о себе, но и о своей жизни, негативно сказывается на ожиданиях от будущего, сужает жизненную перспективу личности. Ощущение бессилия и эмоциональная разрядка, сопровождающие оскорбление, мешают человеку выстроить адекватную линию поведения с опорой на опыт и, как следствие, действовать с опережением.

Для определения уровня антиципационной состоятельности было проведено сравнение показателей подгрупп «Низкий ПТС», «Средний ПТС» и «Высокий ПТС» по методике «Тест антиципационной состоятельности» (использовался критерий Краскела – Уоллиса). Статистически значимые различия были получены лишь по показателям пространственной составляющей: $N=8,744$; $p=0,012$.

Попарное сравнение показателей подгрупп с использованием критерия Манна – Уитни позволило получить статистически значимые различия лишь для показателей подгрупп «Средний ПТС» и «Высокий ПТС»: $U=205,0$; $p=0,003$. Дальнейший анализ позволил выделить большую выраженность пространственной составляющей в подгруппе «Средний ПТС» ($Me_2=64,0$, $SD_2=3,473$; $Me_3=61,0$, $SD_3=5,163$).

Моторная ловкость (пространственная составляющая) представляет собой не чисто физическое качество – она имеет отношение к мудрости, вбирает в себя опыт, относящийся к движениям и действиям. Двигательная находчивость способна постепенно перерастать в находчивость умственную.

Можно предположить, что представителей второй подгруппы отличает своеобразная специфика переживания оскорбления:

- в отличие от респондентов с низким уровнем ПТС, они склонны прорабатывать ситуацию оскорбления, уделять ей пристальное внимание;
- по сравнению с респондентами, отличающимися высоким уровнем ПТС, они эффективнее используют опыт переживания оскорбления, извлекая уроки из травматичной ситуации.

Поскольку исследователи рассматривают копинг и антиципационную состоятельность в качестве компонентов единой системы стабилизации личности, представляется целесообразным рассмотреть взаимосвязь этих параметров. При анализе показателей методик КПСС и «Тест антиципационной состоятельности» первой группы респондентов с использованием коэффициента корреляции Спирмена (r_s) не удалось выявить связь показателей эмоционально-ориентированного копинга (ЭОК) и социального отвлечения (СО) с параметрами антиципационной состоятельности. Остальные результаты данного анализа представлены в таблице 4.

Таблица 4

Взаимосвязь показателей методик «Тест антиципационной состоятельности» и КПСС первой группы респондентов

Стиль копинга	Общая АС	Личностно-ситуативная АС	Пространственная АС	Временная АС
ПОК	$r_s=0,401$; $p=0,0003$	$r_s=0,294$ $p=0,010$	$r_s=0,283$ $p=0,014$	$r_s=0,336$ $p=0,003$
КОИ	$r_s=-0,329$; $p=0,004$	$r_s=-0,315$; $p=0,006$	–	–
О	$r_s=-0,274$; $p=0,017$	–	–	–

Таким образом, для группы переживающих оскорбление была выявлена связь проблемно-ориентированного копинга со всеми составляющими антиципационной состоятельности. Очевидно, что антиципационная состоятельность позволяет человеку предвидеть сложные жизненные ситуации и избегать их либо эффективно противостоять им. Чем выше антиципационная состоятельность человека, тем с большей долей вероятности он будет предпочитать конструктивные копинг-стратегии (направленные на разрешение проблемной ситуации).

Показательна обратная зависимость общей антиципационной состоятельности и ее личностно-ситуативной составляющей с копингом, ориентированным на избегание. Чем лучше развито у человека умение превосходить стрессовые ситуации, тем с меньшей долей вероятности он будет склонен выбирать стратегию избегания. Это же касается взаимосвязи антиципационной состоятельности и показателей отвлечения: способный предвидеть развитие проблемной ситуации человек предпочитает разрешение ситуации временному уходу от нее.

Оскорбление затрагивает, по сути, саму личность человека. Для оценки особенностей эго-идентичности при переживании оскорбления в период средней взрослости было проведено сравнение показателей подгрупп «Низкий ПТС», «Средний ПТС» и «Высокий ПТС» по методике СЭИ-тест (использовался критерий Краскела – Уоллиса). Были получены показатели достигнутой (А), диффузной (С) и предрешенной (Ф) идентичности. Статистически значимые результаты сравнения показателей подгрупп представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты сравнения показателей методики СЭИ-тест подгрупп

Шкалы СЭИ-теста	Результат сравнения
Общий показатель А	N=15,936; p=0,0003
Общий показатель С	N=13,781; p=0,001
Ответственность за выбор А	N=14,870; p=0,0006
Ответственность за выбор С	N=16,647; p=0,0002
Самодостаточность А	N=17,124; p=0,0002
Самодостаточность С	N=13,537; p=0,001
Принятие настоящего А	N=18,125; p=0,0001
Принятие настоящего С	N=14,221; p=0,008

Были выявлены статистически значимые различия между показателями подгрупп достигнутой и диффузной идентичности по общему показателю, а также шкалам «Ответственность за выбор», «Самодостаточность» и «Принятие настоящего».

Далее было проведено попарное сравнение показателей подгрупп по методике СЭИ-тест (использовался критерий Манна – Уитни). Статистически значимые различия результатов подгрупп «Низкий ПТС» и «Средний ПТС» были получены только по общему показателю достигнутой (А) идентичности: $U=190,0$; $p=0,035$ ($Me_1=30,50$, $SD_1=4,841$; $Me_2=27,0$, $SD_2=4,580$). Остальные результаты сравнения представлены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты попарного сравнения показателей методики СЭИ-тест подгрупп

Шкалы СЭИ-теста	Подгруппы участников исследования			
	«Средний ПТС» и «Высокий ПТС»		«Низкий ПТС» и «Высокий ПТС»	
Общий показатель А	U=225,0; p=0,010		U=65,0; p=0,0001	
	Me ₂ =27,0 SD ₂ =4,580	Me ₃ =25,0 SD ₃ =4,886	Me ₁ =30,50 SD ₁ =4,841	Me ₃ =25,0 SD ₃ =4,886
Общий показатель С	U=201,50; p=0,003		U=79,0; p=0,0008	
	Me ₂ =10,0 SD ₂ =5,223	Me ₃ =16,0 SD ₃ =5,033	Me ₁ =10,0 SD ₁ =4,550	Me ₃ =16,0 SD ₃ =5,033
Ответственность за выбор А	U=202,0; p=0,002		U=67,50; p=0,0002	
	Me ₂ =9,0 SD ₂ =4,580	Me ₃ =7,0 SD ₃ =1,623	Me ₁ =9,0 SD ₁ =1,601	Me ₃ =7,0 SD ₃ =1,623

Окончание табл. 6

Шкалы СЭИ-теста	Подгруппы участников исследования			
	Ответственность за выбор С	U=171,0; p=0,0004		U=73,50; p=0,0004
	Me ₂ =2,0 SD ₂ =1,682	Me ₃ =4,0 SD ₃ =1,460	Me ₁ =2,0 SD ₁ =1,495	Me ₃ =4,0 SD ₃ =1,460
Самодостаточность А	U=172,50; p=0,0004		U=76,50; p=0,006	
	Me ₂ =6,0 SD ₂ =1,479	Me ₃ =4,0 SD ₃ =1,330	Me ₁ =6,0 SD ₁ =1,947	Me ₃ =4,0 SD ₃ =1,330
Самодостаточность С	U=189,0; p=0,001		U=88,0; p=0,001	
	Me ₂ =3,0 SD ₂ =1,722	Me ₃ =5,0 SD ₃ =1,721	Me ₁ =2,50 SD ₁ =1,504	Me ₃ =5,0 SD ₃ =1,721
Принятие настоящего А	U=201,50; p=0,001		U=68,0; p=0,0002	
	Me ₂ =2,0 SD ₂ =0,780	Me ₃ =1,0 SD ₃ =0,843	Me ₁ =3,0 SD ₁ =0,970	Me ₃ =1,0 SD ₃ =0,843
Принятие настоящего С	U=204,50; p=0,001		U=89,0; p=0,002	
	Me ₂ =1,0 SD ₂ =0,696	Me ₃ =2,0 SD ₃ =0,868	Me ₁ =1,0 SD ₁ =0,857	Me ₃ =2,0 SD ₃ =0,868

Анализ данных СЭИ-теста позволяет сделать вывод о большей выраженности достигнутой идентичности у представителей подгрупп с низким и средним ПТС по общему показателю, шкалам «Ответственность за выбор», «Самодостаточность» и «Принятие настоящего». Также можно отметить большую выраженность диффузной идентичности у представителей подгруппы «Высокий ПТС» по тем же параметрам.

Как отмечали участники исследования, ситуация оскорбления умаляет их чувство собственного достоинства, искажает их представление о себе самих. В результате утрачивается способность принимать решения, адекватно реагировать на возникающие трудности, противостоять нападкам. При регулярном переживании оскорбления появляются ощущения несправедливости и бессилия, склонность обвинять во всем внешнее окружение, что оборачивается отказом нести ответственность за собственную жизнь. Развивается пассивное отношение к настоящему и будущему, искажается картина окружающей действительности.

Заключение. В результате исследования удалось выделить характеристики личности человека среднего возраста, переживающего оскорбление, в зависимости от интенсивности ПТС.

Для подгруппы «Высокий ПТС» характерна яркая выраженность личностных черт, свидетельствующих о пагубном воздействии оскорбления на психику. Представители подгруппы отличаются высоким уровнем виктимности, они с готовностью принимают на себя социальную роль жертвы, которая характеризуется ощущением аутсайдерства и склонностью к внешнему локусу контроля. В большей степени, чем респонденты из двух других подгрупп, они склонны к эмоциональному отреагированию, которое проявляется в виде отчаяния, грусти или гнева, дает лишь временное облегчение и разрешению стрессовой ситуации не способствует. Люди, сильнее переживающие оскорбление, в большей степени склонны к бессилию, пассивному восприятию собственной жизни и окружающей действительности. Пассивность и неуверенность в своих силах определяют неспособность предвосхищать развитие ситуации и адекватно использовать опыт.

Респондентам подгруппы «Низкий ПТС» менее свойственны социальная роль жертвы, обращение к эмоциональному копингу и неумение прогнозировать ситуацию. Оскорбление переживается этими людьми в меньшей степени, оно не затрагивает их самооценку радикальным образом и, даже доставляя негативные эмоции, не меняет коренным образом их представление о себе.

Особый интерес представляет подгруппа «Средний ПТС». Ее представители подвержены негативному воздействию оскорбления, однако отличаются высоким (по сравнению с другими подгруппами) уровнем моторной ловкости. Это может свидетельствовать о большей находчивости: лучшем умении действовать на опережение, прогнозировать развитие событий, опираясь на опыт негативного воздействия.

Результаты исследования подчеркивают особый характер оскорбления как негативно-го эмоционального воздействия, затрагивающего целостность личности, умаляющего чувство собственного достоинства, определяющего характер отношения человека к окружающим и себе самому. Представление о личностных особенностях людей среднего возраста, переживающих оскорбление, может найти достойное практическое применение в работе социальных и психологических служб, а также практикующих психологов при оказании помощи людям, переживающим подобное негативное воздействие.

Список литературы

1. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения : монография. Кострома : Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. 343 с.
2. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М. : Наука, 1980. 280 с.
3. Малиновская Е. Л. Совладающее поведение как предмет исследования психологии личности // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 134–138.
4. Менделевич В. Д. Антиципационные механизмы невротогенеза. М. : Городец, 2018. 448 с.
5. Немова Е. Н. Влияние психотравмы на жизненную перспективу личности // Научное отражение. 2021. № 2 (24). С. 10–17.
6. Одинцова М. А., Радчикова Н. П. Разработка и стандартизация опросника «Тип ролевой виктимности» // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1303–1310.
7. Сидорова И. В. Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32.
8. Солдатова Е. Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 74–84.
9. Тарабрина Н. В. Посттравматический стресс и картина травматических событий в разные периоды взрослости // Психологический журнал / Н. Е. Харламенкова, Ю. В. Быховец, Л. Ш. Мустафина, О. А. Ворона, Н. Н. Казымова, Е. Н. Дымова, Н. Е. Шаталова. 2016. Т. 37. № 6. С. 94–108.
10. Тарабрина Н. В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы / В. А. Агарков, Ю. В. Быховец, Е. С. Калмыкова, А. В. Макачук, М. А. Падун, Е. Г. Удачина, З. Г. Химчян, Н. Е. Шаталова, А. И. Щепина. М. : Когито-центр, 2007. 208 с.
11. Тарабрина Н. В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. М. : Когито-центр, 2007. 77 с.
12. Харламенкова Н. Е. Эго-идентичность и ее особенности у лиц с разным уровнем посттравматического стресса // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 1. С. 107–111.
13. Харламенкова Н. Е. Эмоциональное оскорбление и пренебрежение и его психологические последствия для личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М. : Институт психологии РАН, 2016. С. 193–214.
14. Adams Z. W. Polyvictimization: Latent profiles and mental health outcomes in a clinical sample of adolescents / A. Moreland, J. R. Cohen, R. C. Lee, R. F. Hanson, C. K. Danielson, S. Self-Brown, E. C. Briggs // Psychology of Violence. 2016. Vol. 6. № 1. Pp. 145–155.
15. Bar-Tal D. A sense of self-perceived collective victimhood in intractable conflicts / L. Chernyak-Hai, N. Schori, A. Gundar // International Review of the Red Cross. 2009. Vol. 91. № 874. Pp. 229–258.
16. Bauman E. M. Coping with Intimate Partner Violence: Battered Women's Use and Perceived Helpfulness of Emotion-Focused Coping Strategies / D. A. F. Haaga, M. A. Dutton // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2008. Vol. 1. № 17. Pp. 23–41.
17. Doherty D., Berglund D. Psychological abuse: A discussion paper. 2008. URL: <https://www.canada.ca/content/dam/phac-aspc/migration/phac-aspc/sfv-avf/sources/fv/fv-psych-abus/assets/pdf/fv-psych-abus-eng.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).
18. Dutton M. A. Court-involved battered women's responses to violence: The role of psychological, physical, and sexual abuse / L. A. Goodman, L. B. Cattaneo // Violence and Victims. 1999. Vol. 14. № 1. Pp. 89–104.
19. Folkman S., Lazarus R. S. Coping and emotion // Stress and Coping: An Anthology. N. Y. : Columbia University Press, 1991. Pp. 207–227.
20. Hart S. N., Brassard M. R. A major threat to children's mental health: Psychological maltreatment // American Psychologist. 1987. № 42 (2). Pp. 160–165.
21. Karakurt G., Silver K. E. Emotional abuse in intimate relationships: The role of gender and age // Violence and Victims. 2013. Vol. 28. № 5. Pp. 804–821.
22. Lee M.-A. Emotional abuse in childhood and suicidality: The mediating roles of re-victimization and depressive symptoms in adulthood // Child Abuse & Neglect. 2015. № 44. Pp. 130–139.
23. Liu C. Relationship Between Childhood Emotional Abuse and Self-Esteem: A Dual Mediation Model of Attachment / X. Chen, P. Song, A. Lu, L. Wang, X. Zhang, Z. Huang, D. Zheng // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2018. № 46 (5). Pp. 793–800.

24. Neuhart R., Carney A. Psychological Abuse // Elder Abuse: Forensic, Legal and Medical Aspects / ed. by Amy Carney. London : Academic Press, Elsevier Inc, 2020. Pp. 163–182.
25. Nielsen M. B. Workplace Bullying and Suicidal Ideation: A 3-Wave Longitudinal Norwegian Study / G. H. Nielsen, G. Notelaers, S. Einarsen // American Journal of Public Health. 2015. Vol. 105. № 11. Pp. 23–28.
26. Radell M. L. The Impact of Different Types of Abuse on Depression / E. G. Abo Hamza, W. H. Daghustani, A. Perveen, A. A. Moustafa // Depression Research and Treatment. 2021. URL: <https://www.hindawi.com/journals/drt/2021/6654503/> (дата обращения: 12.12.2022).
27. Sims C.-D. L. Invisible Wounds, Invisible Abuse: The Exclusion of Emotional Abuse in Newspaper Articles // Journal of Emotional Abuse. 2008. V. 8. № 4. Pp. 375–402.
28. Sullivan T. P. Differential relationships of childhood abuse and neglect subtypes to PTSD symptom clusters among adolescent inpatients // Journal of Traumatic Stress. 2006. V. 19. № 2. Pp. 229–239.
29. Van den Brande W. The Moderating Effects of Coping Mechanisms and Resources in the Context of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment / C. Bernstein, I. Reknæs, E. Baillien // Handbooks of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment. 2018. Pp. 1–24.
30. Zurbruggen E. L. Childhood Emotional Abuse Predicts Late Adolescent Sexual Aggression Perpetration and Victimization / R. L. Gobin, J. J. Freyd // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2010. № 19 (2). Pp. 204–223.

Personality characteristics of middle-aged people who reported experiencing abuse

Buzina Alexandra Alexandrovna

degree-seeking student, Institute of Psychology of Russian Academy of Science.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-8114-1443. E-mail: super-alex@mail.ru

Abstract. The situation of abuse, which is a type of emotional violence, is one of the stressors of high intensity. Despite the widespread nature of the insult, the study of its psychological consequences is complicated by their latent nature: such an impact does not leave the victim with visible harm. This article is intended to expand the understanding of the psychological consequences of an insult, in particular, about the personal characteristics of people of middle adulthood who reported experiencing an insult.

The study involved 120 people (85 women and 35 men; the average age was 46 years). The assumption was tested that the experience of an insult is reflected in such personal characteristics of people of middle adulthood as the type of role victimization, the style of coping behavior, the components of anticipatory consistency and the structure of ego-identity. It has been revealed that the experience of abuse is associated with the victimization attitude in the form of a person's acceptance of the victim's social role. It is determined that those experiencing an insult tend to appeal to an emotionally-oriented style of coping. There is an anticipative inconsistency in terms of personal-situational, temporal and general indicators. The connection of problem-oriented coping with all the components of anticipation consistency is established. It was found that the situation of insult changes a person's idea of himself: intense experiences are associated with the expression of diffuse (blurred) ego-identity in general terms, as well as parameters such as responsibility for choice, self-sufficiency and acceptance of the present. The study allowed us to confirm the hypothesis and highlight the features of role victimization, coping behavior, anticipatory consistency and the structure of the ego-identity of middle-aged people who reported experiencing an insult. It is determined that an insult negatively affects a person's personality and his self-image, distorts the perception of the present and an adequate vision of the future.

Keywords: insult, emotional abuse, middle adulthood, role victimization, coping behavior, anticipatory consistency, ego-identity.

References

1. Kryukova T. L. *Psichologiya sovladayushchego povedeniya : monografiya* [Psychology of coping behavior : monograph]. Kostroma. Avantitil Operational Printing Studio. 2004. 343 p.
2. Lomov B. F., Surkov E. N. *Anticipaciya v strukture deyatel'nosti* [Anticipation in the structure of activity]. M. Nauka (Science). 1980. 280 p.
3. Malinovskaya E. L. *Sovladayushchee povedenie kak predmet issledovaniya psichologii lichnosti* [Coping behavior as a subject of personality psychology research] // *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya* – Herald of University of the Russian Academy of Education. 2016. No. 2. Pp. 134–138.
4. Mendelevich V. D. *Anticipacionnye mekhanizmy nevrozogeneza* [Anticipatory mechanisms of neurosis]. M. Gorodets. 2018. 448 p.
5. Nemova E. N. *Vliyaniye psichotravmy na zhiznennuyu perspektivu lichnosti* [The influence of psychotrauma on the life perspective of a person] // *Nauchnoe otrazhenie* – Scientific reflection. 2021. No. 2 (24). Pp. 10–17.

6. Odincova M. A., Radchikova N. P. *Razrabotka i standartizaciya oprosnika "Tip rolevoj viktimnosti"* [Development and standardization of the questionnaire "Type of role victimization"] // *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* – News of PPSU n. a. V. G. Belinsky. 2012. No. 28. Pp. 1303–1310.
7. Sidorova I. V. *Oskorblenie kak raznovidnost' psicheskogo nasiliya* [Insult as a kind of mental violence] // *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah* – Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2017. No. 1 (68). Pp. 28–32.
8. Soldatova E. L. *Ego-identichnost' v normativnyh krizisah razvitiya* [Ego-identity in normative development crises] // *Voprosy psichologii* – Questions of psychology. 2006. No. 5. Pp. 74–84.
9. Tarabrina N. V. *Posttravmaticheskiy stress i kartina travmaticheskikh sobytij v raznye periody vzroslosti* [Post-traumatic stress and the picture of traumatic events in different periods of adulthood] // *Psihologicheskij zhurnal* – Psychological journal / N. E. Kharlamenkova, Yu. V. Bykhovets, L. Sh. Mustafina, O. A. Vorona, N. N. Kazymova, E. N. Dymova, N. E. Shatalova. 2016. Vol. 37. No. 6. Pp. 94–108.
10. Tarabrina N. V. *Prakticheskoe rukovodstvo po psichologii posttravmaticheskogo stressa. Ch. 1. Teoriya i metody* [Practical guide to the psychology of post-traumatic stress. Part 1. Theory and methods] / V. A. Agarkov, Yu. V. Bykhovets, E. S. Kalmykova, A. V. Makarchuk, M. A. Padun, E. G. Udachina, Z. G. Himchyan, N. E. Shatalova, A. I. Shchepina. M. Kogito-center. 2007. 208 p.
11. Tarabrina N. V. *Prakticheskoe rukovodstvo po psichologii posttravmaticheskogo stressa. Ch. 2. Blanki metodik* [Practical guide to the psychology of post-traumatic stress. Part 2. Forms of methods]. M. Kogito-center. 2007. 77 p.
12. Harlamenkova N. E. *Ego-identichnost' i ee osobennosti u lic s raznym urovnem posttravmaticheskogo stressa* [Ego-identity and its features in persons with different levels of post-traumatic stress] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psichologiya* – Herald of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2019. No. 1. Pp. 107–111.
13. Harlamenkova N. E. *Emocional'noe oskorblenie i prenebrezhenie i ego psichologicheskie posledstviya dlya lichnosti v raznye periody vzroslosti* [Emotional abuse and neglect and its psychological consequences for a person in different periods of adulthood] // *Psihologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie* – Psychology of everyday and traumatic stress: threats, consequences and coping / ed. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko, N. V. Tarabrina, N. E. Kharlamenkova. M. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2016. Pp. 193–214.
14. Adams Z. W. *Polyvictimization: Latent profiles and mental health outcomes in a clinical sample of adolescents* / A. Moreland, J. R. Cohen, R. C. Lee, R. F. Hanson, C. K. Danielson, S. Self-Brown, E. C. Briggs // *Psychology of Violence*. 2016. Vol. 6. No. 1. Pp. 145–155.
15. Bar-Tal D. *A sense of self-perceived collective victimhood in intractable conflicts* / L. Chernyak-Hai, N. Schori, A. Gundar // *International Review of the Red Cross*. 2009. Vol. 91. No. 874. Pp. 229–258.
16. Bauman E. M. *Coping with Intimate Partner Violence: Battered Women's Use and Perceived Helpfulness of Emotion-Focused Coping Strategies* / D. A. F. Haaga, M. A. Dutton // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2008. Vol. 1. No. 17. Pp. 23–41.
17. Doherty D., Berglund D. *Psychological abuse: A discussion paper*. 2008. Available at: <https://www.canada.ca/content/dam/phac-aspc/migration/phac-aspc/sfv-avf/sources/fv/fv-psych-abus/assets/pdf/fv-psych-abus-eng.pdf> (date accessed: 12.12.2022).
18. Dutton M. A. *Court-involved battered women's responses to violence: The role of psychological, physical, and sexual abuse* / L. A. Goodman, L. B. Cattaneo // *Violence and Victims*. 1999. Vol. 14. No. 1. Pp. 89–104.
19. Folkman S., Lazarus R. S. *Coping and emotion* // *Stress and Coping: An Anthology*. N. Y. : Columbia University Press, 1991. Pp. 207–227.
20. Hart S. N., Brassard M. R. *A major threat to children's mental health: Psychological maltreatment* // *American Psychologist*. 1987. No. 42 (2). Pp. 160–165.
21. Karakurt G., Silver K. E. *Emotional abuse in intimate relationships: The role of gender and age* // *Violence and Victims*. 2013. Vol. 28. No. 5. Pp. 804–821.
22. Lee M.-A. *Emotional abuse in childhood and suicidality: The mediating roles of re-victimization and depressive symptoms in adulthood* // *Child Abuse & Neglect*. 2015. No. 44. Pp. 130–139.
23. Liu C. *Relationship Between Childhood Emotional Abuse and Self-Esteem: A Dual Mediation Model of Attachment* / X. Chen, P. Song, A. Lu, L. Wang, X. Zhang, Z. Huang, D. Zheng // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2018. No. 46 (5). Pp. 793–800.
24. Neuhart R., Carney A. *Psychological Abuse // Elder Abuse: Forensic, Legal and Medical Aspects* / ed. by Amy Carney. London : Academic Press, Elsevier Inc, 2020. Pp. 163–182.
25. Nielsen M. B. *Workplace Bullying and Suicidal Ideation: A 3-Wave Longitudinal Norwegian Study* / G. H. Nielsen, G. Notelaers, S. Einarsen // *American Journal of Public Health*. 2015. Vol. 105. No. 11. Pp. 23–28.
26. Radell M. L. *The Impact of Different Types of Abuse on Depression* / E. G. Abo Hamza, W. H. Daghustani, A. Perveen, A. A. Moustafa // *Depression Research and Treatment*. 2021. Available at: <https://www.hindawi.com/journals/drt/2021/6654503> (date accessed: 12.12.2022).
27. Sims C.-D. L. *Invisible Wounds, Invisible Abuse: The Exclusion of Emotional Abuse in Newspaper Articles* // *Journal of Emotional Abuse*. 2008. V. 8. No. 4. Pp. 375–402.

28. *Sullivan T. P.* Differential relationships of childhood abuse and neglect subtypes to PTSD symptom clusters among adolescent inpatients // *Journal of Traumatic Stress*. 2006. V. 19. No. 2. Pp. 229–239.
29. *Van den Brande W.* The Moderating Effects of Coping Mechanisms and Resources in the Context of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment / C. Bernstein, I. Reines, E. Baillien // *Handbooks of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment*. 2018. Pp. 1–24.
30. *Zurbriggen E. L.* Childhood Emotional Abuse Predicts Late Adolescent Sexual Aggression Perpetration and Victimization / R. L. Gobin, J. J. Freyd // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2010. No. 19 (2). Pp. 204–223.